

Только что повесил трубку, как снова зазвонил телефон. Взглянув на экран, Му Цзиньнянь с удивлением обнаружил, что звонит Гу Чэннань.

— Тот парень собирался сбежать, но я его поймал. Сейчас возвращаемся обратно.

— Не нужно, отведи его сразу в полицейский участок. Там уже ждут.

— Что с тобой? Ты так тяжело дышишь?!

— Ничего, подрался немного, устал. Сделай, как я сказал, я отключаюсь!

В животе снова пронзила острая боль, дышать стало тяжело, лицо потеряло половину цвета. Му Цзиньнянь не удержался от ругательства. За полгода без тренировок он так сильно отстал, что не смог справиться даже с двумя обычными людьми. Видимо, придется вернуться на несколько месяцев к тренировкам, иначе снова попадет под раздачу дома.

С такими мыслями Му Цзиньнянь потерял сознание.

Когда он очнулся, у его кровати стояло несколько человек: старший брат, второй брат, Гу Чэннань и еще несколько незнакомых людей. Вся палата, довольно просторная, была заполнена до отказа.

— Вы что, в зоопарк пришли? Все смотрят на меня как на экспонат!

Му Цзиньнянь смущенно произнес, глядя на лица своих братьев, которые были мрачнее тучи.

— Я тебе сколько раз говорил, пока старые раны не зажили, не лезь в опасные дела, действуй по силам! Ты что, не понимаешь, что такое «по силам»? Твой учитель литературы был физруком? Эй, второй! Ты тоже ничего не усвоил, знаешь, что у Цзиньняня еще не зажили раны, а все равно втягиваешь его в свои дела! Кто из вас двоих хоть чуть-чуть меня радует? Глава семьи сказал, вы оба отстраняетесь от дела, идите домой, месяц домашнего ареста!

— Старший брат, это несправедливо! Я сейчас не полицейский, глава семьи сам сказал, что не будет вмешиваться в мою работу! — возмутился Му Цзиньнянь.

— Старший брат, нельзя! Месяц ареста — и меня снимут с должности! — второй брат тоже не остался в стороне. Еле-еле добрался до должности начальника отдела, а тут месяц ареста — и кто знает, что будет, когда вернется!

Старший брат Му Мин смотрел на своих братьев с досадой. С тех пор как он унаследовал дело деда, у него не было времени заниматься этими двумя, но они никак не могли успокоиться! Ему, генеральному директору, приходится каждый день бегать в полицейский участок, это уже перебор!

— Если хотите жаловаться, идите к главе семьи сами! — Му Мин тоже вышел из себя.

При упоминании главы семьи все трое братьев замолчали. Их дед всю жизнь проработал в полиции, посвятил себя службе народу и всегда ставил свою профессию выше всего. С детства братья росли под его строгим руководством, и все трое боялись его как огня.

Младший, Му Цзиньнянь, был более бунтарским, потому и поссорился с дедом. Второй брат всегда следовал его приказам, но постоянно попадал в переделки. А старший, Му Мин, на которого возлагали большие надежды, оказался единственным внуком деда по материнской

линии, поэтому глава семьи не мог передать ему свое дело. После смерти деда вся ответственность легла на плечи Му Мина.

В такой странной обстановке Му Цзиньнянь рос и страдал, и радовался одновременно.

— У меня есть дела, Цзиньнянь оставляю тебе, второй. Если хоть что-то пойдет не так, голова с плеч! — Му Мин бросил грозную фразу и вышел из палаты, за ним последовали двое помощников.

Второй брат, выглянув в окно и увидев, как машина старшего брата уезжает, произнес:

— Хе-хе, Цзиньнянь, ты тут отдыхай, а я пойду, попрошу тетушку сварить тебе куриный суп!

И он тоже сбежал.

Му Цзиньнянь не верил ни единому слову своего брата. Только что поймали двух важных свидетелей, и второй брат вряд ли будет сидеть тут с больным, скорее всего, пошел допрашивать. С его уходом все остальные тоже разошлись, и в палате остался только Гу Чэннань, молча сидевший на стуле.

Гу Чэннань сосредоточенно чистил яблоко, снимая тонкую, непрерывную кожуру. Му Цзиньнянь молча наблюдал за ним и наконец не выдержал, фыркнув от смеха.

Тот даже не обратил на него внимания, продолжая резать очищенное яблоко на маленькие кусочки.

— Тебе есть что мне сказать?

— Тебе нечего спросить?

— Эй, почему ты молчишь? Неужели обиделся?

— Ну не надо так, просто не дал тебе подраться с тем парнем, не стоит из-за этого дуться!

Му Цзиньнянь долго говорил, но Гу Чэннань не отвечал, пока не поднес к его губам кусочек яблока на зубочистке.

— Ты сегодня не работаешь? — прожевав яблоко, Му Цзиньнянь снова заговорил.

Не знаю почему, но с момента пробуждения ему очень хотелось говорить. В больнице он проспал целый день, и, проснувшись, почувствовал, что нужно наверстать упущенное. Но, едва очнувшись, он заметил, что Гу Чэннань снова стал таким же холодным, как при первой встрече. Му Цзиньнянь даже начал сомневаться, не приснилось ли ему, как Гу Чэннань вел себя нагло и улыбался.

— Нет, есть исполнительный директор, мне не обязательно быть там. — на этот раз Гу Чэннань ответил, но Му Цзиньнянь остался недоволен. Кто-то ведь говорил, что нужно быть хорошим примером, а теперь всего через несколько дней уже передумал!

— Как дела с теми двумя? — быстро прожевав яблоко, Му Цзиньнянь поспешил спросить.

Пока старший брат был здесь, он не осмелился спросить его, а как только тот ушел, второй брат тоже сбежал.

— Твоему второму брату их передали, и отделал он их крепко!

Еще один кусочек яблока был поднесен к губам. Му Цзиньнянь нахмурился, но все же взял его в рот. Он мог представить, что случилось с тем старшим парнем — второй брат, наверное, отделал его как следует. А вот с тем мальчиком что-то было не так.

Эта мысль не давала ему покоя, и он попытался встать с кровати. Едва он приподнял одеяло, как Гу Чэннань резко остановил его, холодно спросив:

— Куда ты?

— Домой, выписываюсь! — Му Цзиньнянь резко дернулся, и в животе снова пронзила острая боль. Холодный пот выступил на лбу. Черт возьми! От боли он снова рухнул на кровать.

— В таком состоянии ты не можешь выписываться! — Гу Чэннань стоял у кровати, смотря на него сверху вниз, и его присутствие ощущалось как мощное давление.

— А я все равно выйду, тебе-то что? — из-за сильной боли голос Му Цзиньнянь стал хриплым, с нотками ярости.

Услышав это, Гу Чэннань нахмурился еще сильнее, и его хватка на запястье Му Цзиньнянь стала жестче.

— Ты забыл, что тот, кто ранил тебя, напал и на меня. Так что это касается и меня. С этого момента ты остаешься здесь и никуда не выйдешь! — сказав это, Гу Чэннань схватил пиджак и вышел. Он не мог оставаться в палате дольше, Му Цзиньнянь слишком сильно влиял на его эмоции. Еще чуть-чуть, и он бы даже попросил кого-то привязать того, кто лежал на кровати.

Он помнил, как, прибыв в район, увидел хаос. Скорая помощь и полицейские машины заполнили вход в здание. В сердце Гу Чэннань закралось плохое предчувствие, и он бросился наверх. Открыв дверь, он увидел, как медики оказывали Му Цзиньняню первую помощь. На полу была лужа крови, и, боясь повредить жизненно важные органы, они не вытащили нож. Окровавленный нож для фруктов все еще торчал из его живота. Невиданный ранее страх охватил его, сопровождаемый головокружением.

Му Цзиньнянь лежал на кровати, глядя на закрытую дверь. Он попытался приподняться, но несколько попыток не увенчались успехом. Полгода назад он получил пулевое ранение в живот, и едва оправившись, снова попал в переделку. Этот год явно не удался.

Му Цзиньнянь пролежал в постели еще несколько часов, пока не закончилась капельница. Медсестра забрала бутылку с лекарством, и он почувствовал, что силы немного вернулись. После укола антибиотика рана стала болеть меньше, и он переоделся в свою одежду, чтобы выйти из больницы. Однако, открыв дверь, он увидел двух охранников, стоящих у входа.